

МАМА. ВЕРСИЯ 1.0

ВИКТОРИЯ ЦОЙ

Виктория Цой

Мама. Версия 1.0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69758980

SelfPub; 2023

Аннотация

Мама умерла, но ее виртуальный клон отлично справляется с обязанностями – подсказывает сыну как лучше сложить рубашки и напоминает о раннем подъеме перед утренним рейсов. И только одного нет у виртуальной мамы – интуиции, спасающей от беды.

Виктория Цой

Мама. Версия 1.0

Сорок дней прошли быстро.

Марта позаботилась обо всем – в холодильнике ждала своего часа бутылка ледяной водки, в трехлитровой банке плавали соленые огурцы в укропном рассоле, маринованная «по-голландски» жирная селедка отливала серебром в белоснежной фарфоровой салатнице.

Все, как ты любила, мама.

Он проснулся рано, потянулся, и Марта зажурчала в ухо нежнейше: – Доброе утро, как спалось?

Он, не отвечая, скинул ноги в тапочки, прошел в ванную и оттуда, с ртом, полным зубной пасты, крикнул: – Вторую!

– Малера? – уточнила Марта.

Он сплюнул голубую пену в белую раковину и проорал: – Ну!

Марта добавила металла в голосе: – Извини, но я не умею читать мысли, это – отдельный кейс. Могу оформить! Всего пару биткоинов в год, беспроцентный кредит...

– Поищи-ка письмо на почте, мне предлагали улучшенную версию тебя. Встроенная функция «не выношу мозг с утра».

Марта невнятно зашипела, но тут же стихла, и через ко-

роткую паузу в утреннем сквозняке принялись заплетать за-тейливую вязь волшебные скрипки. Тревожные, неумолимо прекрасные, зовущие к свершениям.

Он сел за стол. Марта налила из турки в чашку горячий кофе, пододвинула хлеб и нож, помигала неоновыми голубыми глазами, проверяя, все ли в порядке и уехала к плите жарить яичницу.

Он намазал масло на хлеб, откусил. Странно. Продукты те же, что и при маме, но невкусно. Возможно ли это, если составляющие завтрака не изменились?

– У меня депрессия? – спросил он.

Марта живо откликнулась: – Биохимический анализ крови в порядке, двигательная активность не снижена, сон достаточный, аппетит хороший.

Значит, нет. А удобно все же с Мартой.

Он давно хотел ее купить, но мама была категорически против. Вскидывала бровь: «Две хозяйки в доме? Ты с ума сошел, сын?» – и он отступал, но было поздно. Мама седлала любимого конька и мчалась во весь опор по наезженной колее: – Лучше бы женился, хочется на старости лет внуков понянчить...

– Мам, мне надо работать. – это был железный аргумент. Отец всегда им пользовался, когда не хотел обсуждать новости из жизни галактических звезд, их бесконечные свадьбы и разводы.

Марта поставила на стол тарелку со шкворчащей яични-

цей. Он отломил кусок хлеба, помакал в горячий желток. Неа-, не то. У мамы было вкуснее.

Ей нравилось ходить в последний в городе супермаркет, давно превратившийся в клуб «кому за 80». Старики бродили между полок, бросали в тележки банки и коробки, выстраивались к настоящей живой кассирше, а когда подходила очередь, принимались суетливо искать скидочные купоны, слушая выразительные вздохи за спиной.

Вернувшись, мама выгружала продукты в холодильник, бормоча под нос: – Снова хлеб подорожал, совесть совсем потеряли, спекулянты проклятые.

Он неоднократно предлагал оформить подписку на доставку, но мама отмахивалась – она должна все контролировать, иначе подсунут брак или несвежее.

Он не говорил ей, что владелец супермаркета, хитрый лис, специально ставит на полки просроченные продукты, обеспечивая привычный прилив эндорфина старичкам, обнаружившим безобразие и принимающимся с удовольствием распекать хозяина, выходящего к ним с виновато опущенной головой.

Когда мама умерла, он сразу оплатил нужный сервис, и теперь в холодильнике были только наисвежайшие продукты.

И кофе Марта готовила по последнему кейсу знаменитого бразильского баристы. Он отпивал глоток, зажмуривался, смаковал ароматную горечь, ставил чашку на скатерть и вспоминал мамин кофе.

Всегда разный. Она сыпала в турку молотый кофе уже начавшими дрожать руками, доливала воды «на глаз» и отвлеклась на 3D-визор в углу. Объемные фигуры разыгрывали душераздирающие сцены из очередного сериала, кофе бурно выкипал, мама всплескивала руками, снимала турку с плиты и наливала напиток богов в его любимую чашку.

Это был лучший кофе в мире.

Он вздохнул, и Марта, уловив его настроение, приглушила музыку.

Позавтракав, он прошел в кабинет, разложил эскизы и, с удовольствием ощущая под руками тепло деревянной столешницы, погрузился в работу.

Он помнил времена, когда люди работали ради денег. И, как человек в глубокой древности представлял землю стоящей на трех китах, так и относительно недавно люди были уверены в том, что жизненный путь – это некая лестница, по которой нужно карабкаться вверх без усталости, попутно сбрасывая соперников.

И, только оказавшись на условной вершине, многие понимали ошибочность самой концепции.

Но уже было не вернуть пропущенные детские утренники, семейные посиделки за общим столом, тепло руки жены, сидящей рядом на веранде летним вечером и неслучившиеся душевные разговоры со старыми друзьями.

Слава богу, он живет в нормальной стране, где пассивный доход является всеобщим благом, и каждый может выбрать

занятие по душе. Или ничего не выбирать, тратя ежемесячно получаемые деньги на еду и развлечения, стимулируя экономический рост.

Сейчас люди делятся не по уровню достатка, а на тех – кто создает и тех, кто потребляет. И, хотя это во многом определяется образованием и воспитанием, этот выбор каждый человек делает сам.

В их семье всегда читали книги, слушали хорошую музыку, носили черные футболки и созидали новое.

Он хорошо поработал, и лишь иногда, делая глоток кофе и вдыхая его горький аромат, чувствовал, как щемит сердце.

Вечерело. Он глубоко вздохнул. Пора.

– Марта, «Искус-интеллект».

– Секундочку, – сказала Марта. – Загружаю. Готово!

Заиграла бодрая мелодия, и на мониторе появилось изображение. Он несколько секунд смотрел на шевелящиеся губы, наконец до него дошло, и он пододвинул рычажок громкости.

– Мам...

– А я думала, ты оглох. Кричу тебе, а ты не реагируешь.

Поработал?

– Что? – он все еще не мог прийти в себя.

– Кефир пил сегодня?

– Да.

– Сынок, вот только не надо маму обманывать, я же все чувствую.

Он засмеялся.

– Как ты можешь чувствовать, ты же не настоящая.

– Я? Ненастоящая? С чего ты взял?

Он вздохнул: – Ты – разработка стартапа «Искус-интеллект». Помнишь Бок Кона из десятого «А»? Он сейчас в Сколково, это его проект.

Мама поморщилась: – Такой вечно лохматый?

– Ага. Когда врач сказал, что тебе осталось 68 дней, я попросил его узнать, что можно сделать. Он перезвонил через неделю и сказал, что лекарств от нового вируса пока нет и ничего поделать нельзя.

– Я бы и сама тебе это сказала безо всяких звонков.

– И тогда он предложил сделать твой виртуальный клон.

– Я не клон, я – настоящая.

Он вздохнул и продолжил: – Я сперва отказался, но ты сказала, что раньше люди завещали свои органы, но сейчас, в эру биомедицины, в этом нет нужды. Но если для науки нужно отдать на растерзание свою бесценную душу, то ты готова. И что кто-то должен напоминать мне о правильном питании, когда тебя не станет.

– Конечно, ты же пропадешь без меня. Значит, все получилось? Я умерла, но ты со мной разговариваешь. И я точно знаю, что ты не пил кефир сегодня. Впрочем, это не имеет значения. Давай-ка лучше обсудим важные вопросы!

– Это какие? Дай подумать. Мне надо жениться?

– Даша – очень хорошая девочка.

– Женьтиба – пережиток прошлого. Даша тоже так считает.

– Пряма уж. Я разговаривала с ней, она не против.

– Когда успела?

Мама ласково посмотрела на него: – Когда, когда. Да вот, за 62 дня до ухода. Кстати, как у вас?

Он не успел ответить, как за спиной зажужжали колесики, и Марта, проезжая мимо с тряпкой в руках, помигала синими огоньками:

– Добрый вечер, Сталина Игоревна!

– Ой! – мама оторопело всплеснула руками. – Ты кого в наш дом привел? Роботиху?

– Мам!

– Чтоб духу ее не было ! Пообещай, что выкинешь ее завтра же, с вещами! С проводами! Все!

Экран потух. Он отъехал от стола, уставился в темное окно. Посидел, вздохнул и принялся стучать по клавишам.

«Привет, Бока. День первый. Я был прав, что отложил тестирование на 40 дней. Продукт настолько хороший, что в процессе использования создается полная иллюзия реальности. Речь проработана отлично, реакции тоже. Я прямо поверил. Чуть не заплакал, корейская ты морда. Поздравляю тебя, чувак, это прорыв.»

Назавтра он запер Марту в кладовке и с удовольствием отбивался от маминых заходов: – А рубашка-то я смотрю, так себе поглажена. Сынок, тебе нужна женщина в доме. На-

стоящая, а не это вот.

Дашу он встретил пару лет назад, познакомились на эко-празднике. Тетка в костюме динозавра хлопала коричневым гребнем и громко пела, пытаясь воодушевить вялую толпу.

Стоящая перед ним девушка качала в такт рыжей головой, и переливающаяся на солнце медь напомнила ему мамины волосы, становившиеся каждый месяц такого же цвета.

– Господи, Марс колонизировали, а придумать, чтобы краска не смывалась не могут! – возмущалась мама. – Надоело по парикмахерским ходить.

– Мамуль, скоро выйдет специальный шлем. Наденешь его на голову, задашь цвет и стрижку, и готово!

– Не доживу, – говорила мама.

И правда, не дожила.

Неведомая болезнь вновь сразила Землю. В новостях осторожно говорили о новейшем бактериологическом оружии одной из супер-африканских держав, но он не верил.

Обычная человеческая халатность – разбитая пробирка, пролитый раствор. Бабочка взмахнула крылом и человечество вновь засело в локдауне, следя за расплзающимся по миру вирусом и обвалами на фондовых рынках.

После маминых похорон Бок Кон написал, что они готовы к испытаниям. Он позвонил ему:

– Давай через сорок дней.

– Почему?

– Для христиан это – важная дата. Сорок дней душа чело-

века еще находится в этом мире, среди живых.

Тот недовольно посопел, но уступил: – Как скажешь.

Сорок дней прошли быстро.

Теперь он каждый вечер разговаривал с мамой и потом писал отчеты:

«На двадцатой минуте изображение зависло, перезагрузил, заработало. На вопрос о здоровье мама ответила странно: «Тьмою здесь все занавешено, и тишина как на дне...» Хотя Окуджаву она никогда не любила. И главное – постоянно говорит о женитьбе. СРОЧНО снизить частотность!»

В пятницу выдалась поездка в Питер. Мама наказала взять побольше чистых носков и трусов и позвонить, когда приедет.

Он ерзал на стуле, боясь, что она увидит, как в углу комнаты Марта раскладывает идеально свернутые вещи в чемодан, в доли секунды просчитывая оптимальное их размещение.

Они немного поспорили насчет раннего подъема – «Сынок, в аэропорт нужно приехать за два часа!» Наконец, монитор погас.

Он посмотрел на черный экран. Ну и что, что обман. Определенно так легче, а это главное. Современный вид психологической помощи. Он потом ее отключит, месяца через три, чтобы не было привыкания.

А вообще продукт отличный. Мама быстро учится и сегодня не было ни одного вопроса про Дашу. Та, настоящая

мама, так и поступала – поняв, что сыну что-то не нравится, затаивалась на какое-то время, а потом снова начинала долбить, что твой дятел.

Он быстро написал очередной отчет: «Изображение как будто зависло на десятой минуте. Я не сразу понял, что это не баг, что она просто держит паузу, когда ей что-то не нравится. Чувак, ну это крутяк!»

Пора спать.

Несмотря на идеальную температуру и влажность, он долго не мог уснуть и, выждав полчаса, Марта подъехала к кровати.

Поморгала синим неоном и вкрадчиво начала: «Расслабь пальцы ног. Колени. Бедро. Руки. Голова становится тяжелой...» Он послушно следовал указаниям и вскоре заснул.

Желтое осеннее солнце раскидало ржавые пятна по листве деревьев. Тонкие березы сбегали к реке, у берега возвышался огромный утес с изъеденными дождями склонами. Из черной расселины выбивалась прозрачная струя воды и разбивалась о чашу, выдолбленную из белого камня. Крошечные капли висели в воздухе, искрясь на солнце.

Он подошел к воде, встал на колени, опустил руку в прозрачную воду и сразу отдернул – такой ледяной она была.

– Сынок, – позвал его тихий голос.

Он обернулся.

Она стояла, прислонившись высокому стволу в цветастом платке поверх медных волос. Поблекшие в последние дни

болезни глаза снова светились молодой зеленью, смотрели ласково.

– Не лети завтра. Не надо.

– Почему?

– Рано тебе к нам. Остайся дома, прошу тебя. – она развернулась и пошла прочь, трогая рукой черно-белые стволы.

Обернулась, сложила руки рупором и прокричала: «Сына назови в честь отца. Слыши-и – ишь?»

Вечером он, вжавшись в спинку кресла, смотрел как в дальнем углу комнаты в хлещущих струях дождя садится самолет, как тянется из фюзеляжа черный шлейф. Не в силах встать, он таранился на истерично рыдающих людей, отмахивавшихся от подсовывавших микрофоны журналистов, слушал взволнованный голос диктора, рассказывавший о внезапной страшной грозе.

Наконец поднялся, позвал:

– Марта! Марта, черт!

– Не надо ругаться, я на сверхзвуковые скорости не настроена. Но всего за пол-биткоина ты можешь апгрейдить меня и...

– Два билета в кино. – сказал он.

Провел рукой по подбородку, прошел в ванную, намылил помазок и, вода бритвой в крепкой пене, крикнул:

– И цветы для Даши!

– Секундочку. Проверяю ее профиль в «Одноклассниках». Семьдесят процентов – ромашки, двадцать пять – си-

рень, пять процентов еще восемнадцать видов растений. Какие заказать?

– Ммм. Давай розы.

– Готово. Что-нибудь еще?

Он подумал.

– Поезжай-ка в кладовку и при Даше не высывайся.

Посмотрел в зеркало. Глаза серые, отцовские, широкий нос и толстые губы – твои.

Спасибо, мама.

До вечера.